

Вера
Крыжановская-Рочестер

ГОЛГОФА
ЖЕНЩИНЫ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская-Рочестер, В.

К85 Голгофа женщины / В. Крыжановская-Рочестер. — М. :
T8RUGRAM, 2018. — 268 с.

ISBN 978-5-521-77912-3

Вера Ивановна Крыжановская-Рочестер (1857–1924) — русская романистка, известная женскими, историческими и оккультными произведениями.

Главная героиня романа «Голгофа женщины» Ксения, скромная сирота из Москвы, выходит замуж за привлекательного петербургского «принца», но через неделю после свадьбы становится вдовой. Сможет ли она обрести своё счастье или по велению рока героиня обречена на одиночество и трагедии?..

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	19
ГЛАВА III	51
ГЛАВА IV	61
ГЛАВА V	73
ГЛАВА VI	89
ГЛАВА VII	107
ГЛАВА VIII	125
ГЛАВА IX	133
ГЛАВА X	149
ГЛАВА XI	163
ГЛАВА XII	177
ГЛАВА XIII	201
ГЛАВА XIV	215
ГЛАВА XV	225
ЭПИЛОГ	261

ГЛАВА I

Стоял холодный и пасмурный сентябрьский день 191... года. Хотя было еще только пять с половиной часов пополудни, но уже сумерки спустились над громадной столицей России. Мелкий и частый дождь бил в лицо прохожих, обильно смачивая мостовую и панели. Густой и влажный туман поднимался над Невой, катившей свои серые и пенистые волны, заключенные в гранитные набережные.

Во втором этаже большого и прекрасного дома на Английской набережной сидели в гостиной три дамы и маленькая шестилетняя девочка.

Одной из этих дам было уже семьдесят лет, но она была еще так бодра и крепка, что ей нельзя было дать более пятидесяти. Эта худошавая женщина, одетая в черное платье, вышивала в пяльцах ковер, предназначенный для церкви. В этой работе ей помогала ее дочь, женщина лет пятидесяти, худая и суровая, как и ее мать. На бледном и желтом лице ее с резкими чертами, с орлиным носом и с тонкими губами лежало злое и упрямое выражение.

Первую звали Марией Николаевной Антоновской. Она была вдова одного из высших сановников железнодорожной администрации. Дочь ее Клеопатра Андреевна тоже была вдова генерала Герувиль.

Бледный полусвет, царивший в гостиной, принудил обеих дам бросить вышивание, а третью, читавшую у окна роман Золя, закрыть книгу. Одна только девочка продолжала шумно играть с большой прелестной куклой, которую она то катала в маленькой

тележке, то расчесывала ей голову, беспощадно вырывая волосы.

— Меня начинает беспокоить молчание Жана: вот уже три недели, как он не пишет мне ни слова. Не заболел ли он? — сказала Клеопатра Андреевна, прерывая молчание.

— Болен? Полно вам, тетя, беспокоиться из-за пустяков! Более всего, что он делает разные глупости и поглощен какой-нибудь любовной интригой. Вы сами хорошо знаете, как он легко воспламеняется и как он ленив на письма, — говорила молодая женщина, читавшая у окна.

Это была довольно красивая двадцатипятилетняя особа, очень нарядная, кокетливая и очень жеманная.

— Право, Юлия, меня очень удивляет, что ты так несправедлива к своему кузену. Жан не виноват в том, что он так красив, что женщины льнут к нему, как мухи к меду. Он слишком умен, чтобы думать о пустяках, когда дело идет о такой важной вещи, как брак с Никифоровой, имеющей более миллиона приданого, — заметила бабушка со смешанным выражением гордости и недовольства.

— Тем более, что Жан, слава Богу, пресыщен всевозможными любовными интригами. В конце концов, я думаю, он не хочет писать, пока дело не будет окончательно решено. Может быть он сразу объявит нам о своем обручении, — прибавила Клеопатра Андреевна. — И если дело это устроится, в чем я, впрочем, не сомневаюсь, я воображаю, как мой бедный мальчик будет счастлив, избавиться, наконец, от зависимости своего брата. Опека Ричарда — вещь очень тяжелая: со

своей буржуазной и мелочной бережливостью Ричард положительно может довести до отчаяния человека с утонченными чувствами.

— Это правда! Иногда он бывает возмутительно груб. Третьего дня у меня с ним была сцена, о которой я и сейчас не могу хладнокровно вспомнить! — вскричала Юлия с пылающими щеками, бросив на стол книгу.

— Какими же любезностями он угостил тебя, если ты так волнуешься при одном воспоминании о них? — спросила Мария Николаевна.

— У меня была Иванова со своей маленькой Лизой, когда пришел Ричард и принес обещанную книгу. Чтобы объяснить дальнейшее, я должна прибавить, что на Ивановой, только что возвратившейся из-за границы, был великолепный костюм, а на Лизе парижская шляпа — верх совершенства. Вы сами знаете, как Анастаси развита не по летам и как она с первого же взгляда понимает все дорогое и изящное. Представьте себе, что она отлично оценила шик и оригинальность шляпы Лизы и, как только Иванова уехала, девочка стала умолять меня купить ей такую же. Сначала я отказала, так как у нее есть уже две шляпы. Тогда своевольная девочка стала плакать, топтать ногой и требовать шляпу, обьявив, что изорвет в клочки обе другие. Видя возбуждение ребенка и боясь, как бы сильное раздражение не повредило ее нежному организму, я наконец обещала ей заказать такую же шляпу, как у Лизы. Ричард молча слушал наш разговор, а потом неожиданно сказал: «С вашей стороны, Юлия Павловна, очень опасно потакать таким расточительным вкусам дочери. Кто знает, что готовит ей будущее? Может быть ей предстоит

скромная жизнь, многочисленные лишения и необходимость трудиться, так как у нее нет никакого состояния. Вы должны были бы с детства готовить ее к таким случайностям». Вы понимаете, бабушка, и вы, тетя, как я была возмущена таким любезным гороскопом...

— Ты должна была бы ответить ему, что она получит в наследство мои бриллианты и что с такой наружностью не доходят до лишений нищенской жизни. У нее, конечно, не будет недостатка в претендентах.

— Я именно это и высказала ему. Но эта глупая девочка, голова которой еще полна балетом «Сендрилиона», догадалась перебить меня, объявив, что она хочет быть балетной танцовщицей, чтобы получать букеты и аплодисменты публики. Ричард не упустил такого удобного случая уколоть мое самолюбие. Он громко расхохотался! «Вот это будет вероятней, чем сделаться великосветской дамой. Во всяком случае, карьера танцовщицы вполне подходит к характеру и вкусам девочки, из которой вы готовы сделать настоящего демона тщеславия и кокетства».

— Какая грубость! И все это из-за того, что ребенку захотелось иметь шляпу, за которую, кстати, не ему придется платить, — с презрением вскричала генеральша Герувиль.

В эту минуту вошел лакей и подал ей на маленьком подносе телеграмму.

Клеопатра Андреевна обменялась многозначительным и самодовольным взглядом с матерью и племянницей и поспешно вскрыла депешу. Но едва она пробежала ее глазами, как бессильно откинулась на спинку кресла. С ней сделался такой сильный припа-

док удушья, что она не могла даже вскрикнуть. Лицо ее покрылось красными пятнами, и она так сильно замахала обеими руками, как будто отбивалась от целой дюжины нападающих.

— Господи Иисусе! Какое ужасное известие так страшно взволновало ее! Что такое случилось? — вскричали почти одновременно обе дамы, бросаясь к Клеопатре Андреевне, которая, казалось, умирала.

Наконец, после многих бесплодных усилий генеральша вскричала хриплым голосом:

— Жан!.. Жан!..

— Жан умер! — вскричала бабушка.

— Убит на дуэли! — прибавила Юлия, падая в кресло.

В эту минуту Клеопатра Андреевна вскочила подобно фурии и, потрясая кулаками, вскричала пронзительным голосом:

— О! Если бы только умер!.. Он женился, слышите вы, женился на ничтожной девушке, на нищей... О, нет! Этого я не переживу! О, я не могу перенести этого!..

Вскочив с кресла, она стала бегать по гостиной, рвать на себе воротник и кружевную косынку. Наконец, она бросилась на пол и стала биться головой о стену, испуская пронзительные крики, перемешанные с истерическими рыданиями, и с силой отталкивая мать и племянницу, которые сначала бегали за ней по всей комнате, а теперь старались удержать ее от покушения на самоубийство, внушенное Клеопатре Андреевне ее безмерным горем.

В гостиной царил невообразимый шум, так как маленькая Анастаси пронзительными рыданиями аккомпанировала крикам матери и бабушки.

В эту минуту на пороге гостиной появился мужчина лет тридцати пяти, который с удивлением остановился. При виде генеральши Герувиль, сидевшей на полу и бесновавшейся, подобно сумасшедшей, растрепанной Марии Николаевны и всей этой смешной и крайне комичной сцены, вновь пришедшим овладело неудержимое желание рассмеяться. Однако, подавив свою веселость, он спросил, стараясь своим голосом покрыть царивший шум:

— Что здесь творится? Вы больны, матушка, или случилось какое-нибудь несчастье?

Глаза всех обратились к двери, и три голоса вскричали с различными оттенками гнева и отчаяния:

— Жан женился!!!

— Но ведь он для этого и поехал в Москву! Я не понимаю, каким образом известие об этом могло вызвать подобную сцену.

— Да, он поехал в Москву, чтобы жениться на Никифоровой, у которой больше миллиона приданого, а не на нищей авантюристке, которая, Бог знает, каким колдовством овладела им. Кто знает, кто такая эта Ксения Торопова, на которой женился этот безмозглый дурак! — вне себя вскричала Клеопатра Андреевна.

— Как можете вы, не узнав своей невестки, так осуждать и оскорблять ее? — неодобрительным тоном сказал молодой человек.

Он подошел к генеральше Герувиль, заставил ее подняться с пола и продолжал:

— Если Жан женился по любви, как вы можете упрекать его за это? Вместо того, чтобы молиться за него в такую важную для него минуту и умолять Господа,